

Счастлив, кто к труду привык

*Анна Басаргина,
заслуженный учитель
школы РФ,
с. Томаровка
Белгородской области*

Крестьянин хорошо знал, что жизнь не станет баловать детей, потому и закалял их с раннего детства, потому и думал-гадал, беспокоился об их судьбе ещё до их рождения.

Ребёнок родится красивым, если мать часто смотрела на месяц, а не на солнце. Во время беременности женщина старалась меньше бывать на людях, избегать участия в похоронах. Считалось, что чем меньше о её положении знают посторонние, тем меньше опасности для ребёнка и для самой женщины. Ведь злое слово или взгляд недоброго человека могут повредить ребёнку и матери. Женщина работала до самых родов, но близкие оберегали её от непосильного труда, выполняли все её желания, обидеть отказом беременную женщину — грешно.

Считается, что счастлив тот сын, который обликом похож на отца, а дочь счастлива, если ходит на родную матушку.

Множество примет, различных условностей надо было учесть, исполнить при рождении ребёнка. Принимали новорождённого на рушник, сотканный руками матери, вышитый ею солярными знаками, знаками плодородия. Ребёнка сразу после рождения купали. Воду отец брал из проточного ручья, чтобы доля дитяти была свободной. У криницы или пруда четыре берега, и долю они ограничат: может биться целый век, как птаха в клетке. В корыто стелилась отцова рубаха для девочки, «чтоб в девках долго не засиживалась», а мальчику станок (рубашку) мамин, «чтоб Бог жену хорошую послал». В воду клали веретено, молоток, чтоб мастеровым было дитя. А чтобы мальчик был сильным, как дуб, клали три листика с верхушки дуба; для девочки — три листика с берёзы, на долгий век, на светлость и мудрость. Мать заранее готовила эти листики. Во многих местах в честь рождения мальчика сажали дубок, а в честь девочки — берёзку.

После купания ребёнка пеленали в отцовскую рубаху, чтоб отец ребёнка любил. До крещения рубашечку не надевали.

Но не только на приметы надеялись родители. Они знали по жизненному опыту, что только в дружной, трудовой семье, где каждый выполняет посильную работу, где детей любят и мудро воспитывают, растут хорошие труженики. Мудрый крестьянский опыт предков напоминал: «Не станешь

учить дитя, когда поперек лавки ложится, во всю вытянется — не выучишь». «От набалованных детей добра не жди».

Позором для семьи были дети-лентяи. Ещё несмышленишу в потешке «Сорока-воровка» указывали, что тому, «кто дров не рубил, воды не носил» кашки не ждать. Подростая, ребёнок видел, как к ленивым относились окружающие. Многочисленные пословицы высмеивают лежебок: «Семеро одну соломинку поднимают», «Люди жать, а мы под межою лежать!», «Лежебоке солнце не в пору всходит». Старики поучали: «На Бога уповай, а без дела не бывай», «Бог труды любит».

В крестьянском хозяйстве существовало чёткое разделение труда между мужчиной и женщиной. Мужчина пахал, сеял, занимался строительством, мужицким ремеслом, охотой, рыболовством, заготовкой дров, ухаживал за лошадьёю. Женщина вела домашнее хозяйство, растила детей, ухаживала за скотом, огородом, собирала травы, ягоды, грибы, орехи, пряла, ткала, шила. Во время страды приходила мужу на помощь — жала, косила, метала стога, молотила зерно.

Очень рано в трудовую деятельность включались крестьянские дети. Народная мудрость утверждала: «Работные сыны — отцу хлебы», «Корми сына до поры, придёт пора: сын тебя прокормит».

Кратковременность беззаботного детства выражена в поговорке: «Сынок-сосунок — не век сосун: через год стригун, через два — бегун, через три — игрун, а затем и в хомут».

Дети видели родителей всегда в трудах и заботах и без нравоучений понимали, что нужно помогать родителям. Совсем крохотные ребятки качали в люльке младшеньких, цыпляткам могли водички на-

лить, проса посыпать. Пятилетние уже пасли гусей.

Начало человеческой жизни на Руси издревле исчислялось семилетними отрезками времени. Первые семь лет — детство, вторые семь — отрочество, ещё семь лет — юность. На отрочество приходилось время первых трудов, обучения делу, хозяйству.

В 5–7 лет мальчик уже верхом гонял лошадь на водопой. В 7–8 лет участвовал в обработке пашни — управлял лошадьёю. В. Астафьев вспоминал: «Пахать чернозёмные огороды легко, боронить и вовсе удовольствие. Наперебой лезли парнишки на спину коня, таскающего борону по огороду, затем к плугу приспособлялись, и когда их возраст подходил годам к десяти, они и на пашне, и на сенокосе уже умели управляться с конём, и в застолье уж лишними не числились, сидели твёрдо среди работников, ели хлеб и огородину, своим трудом добытую».

Наставала пора, когда доверяли пасти коня в ночном. Сколько страха натерпиться, сколько сказок да жутких историй наслушаешься. А как сладко спится на траве у затухающего костерка перед рассветом...

И. Васильев писал: «Устами матери опоэтизированы природа и труд. Во всём она умела видеть красоту: и в обложных дождях, и в белых суметах, и в цветении сада, и в отбеливании холстов, и в молотбе цепями ржаных снопов, и в трепке мягкого, струистого льна. Она находила такие слова, такие при сказки, такие поверья, после которых мне непременно самому хотелось пойти с отцом топить дымную ригу, взять отрывающий руки кленовый цеп и молотить в лад со всеми снопы, сесть на грохочущую мялку и до одури в голове гонять по кругу лошадей.

И удивительно, не чугунная тяжесть рук и ног, не тошнотворное круженье в голове запоминались после работы, а поющая в сердце радость, словно его, ребячьего сердца, коснулось что-то нежное и красивое».

В 9–10 лет мальчик кормил домашнюю скотину, вывозил навоз на поле, участвовал в уборке хлеба, вместе с отцом ходил на охоту. Учился косить, работать топором. Для начала ему поручали сделать для себя топорщице по руке. Иной мальчишка изведёт не один десяток берёзовых поленьев, пока, наконец, не сделает одобренного старшими топорщица.

К 14–15 годам подросток умел делать всю необходимую работу в хозяйстве. Не отставала от братьев и девочка. С шести лет она осваивала прялку. Первая спряденная девичьей нить в некоторых селениях сжигалась, пепел размешивали в воде и давали юной пряхе выпить, чтоб мастерство крепло в её руках.

В других местах мать прятала первую спряденную дочь нить до её свадьбы. Перед свадьбой опоясывала дочь по телу нитью. Эта нить была неприступным оберегом против порчи и сглаза.

В 9–10 лет начинала вышивать, бралась за серп. К 12–13 годам носила воду, стирала бельё, кормила птицу, доила корову, шила, присматривала за младшими детьми.

Ткать начинала лет с 14–15, но заправлять стан училась значительно позже.

Уже в детстве малыши прекрасно понимали, что «ничего, кроме беды, само в хату не придёт».

Эту мысль хорошо выразил в стихотворении «Труд» Яков Грот:

Без усилий, без терпенья
Не бывал никто велик,

Труд — источник возвышенья,
Счастлив, кто к нему привык.
Дети, дети, не лениться!
Труд всегда приносит плод:
Будешь смолоду трудиться —
Встретишь старость без забот.

С раннего детства дети усваивали:

Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть.

В лес не съездили, так и на полях замёрзнём.

Что потрудимся, то и поедем.

Работа да руки — надёжные в людях поруки.

Русский народ издревле ценит трудолюбие, мастерство. Хорошего мастера помнят даже после его кончины.

Не случайно говорят: «Ремеслу везде почёт», «Мастерство везде в почёте». Помнили — «С ремеслом и увечный хлеба добудет».

Труд важен для тела, но ещё более нужен он для души. Прекрасно об этом написал великий русский педагог К.Д. Ушинский:

«Кто не испытал живительно-го, освежающего влияния труда на чувства? Кто не испытал, как после тяжёлого труда, долго поглощавшего все силы человека, и небо кажется светлее, и солнце ярче, и люди добрее? Как ночные призраки от свежего утреннего луча, бегут от светлого и спокойного лица труда тоска, скука, капризы, прихоти — все эти бичи праздных и романтических героев, страдающих обыкновенно высокими страданиями людей, которым нечего делать».

Праздность, безделье — мать всех человеческих пороков.

Жить благословенным трудом, в трудах добывать свой хлеб — главный завет отцов-дедов детям всех времён.

Топор всему делу голова

В наше непростое время мы изучаем сложные явления, овладеваем компьютерами и другой современной техникой, но утрачиваем знания о простых вещах, не умеем не только пользоваться предметами, известными славянину исстари, но даже и называть многие из них.

Попробуйте отгадать загадку: «Кланяется, кланяется, придёт домой — растянется».

Да, это топор. Наверное, можно удивиться, что можно рассказать о топоре? Очень многое.

Топор — один из самых первых инструментов, изобретённых человеком. Топоры известны уже в каменном веке. Это самый универсальный инструмент, необходимый и земледельцу, и строителю, и воину.

Чтобы посеять зерно, древнему земледельцу нужно было вырубить и выжечь лес — без топора не обойтись. Самого простого жилища без топора не построить. И в боях с врагом топор верно служил человеку.

Былины и героические песни не упоминают топоров в качестве оружия у русских богатырей. Зато когда пишут о викингах, всегда упоминают «огромные секиры». Складывается впечатление, что топор как оружие был чуждым Руси. Но это совсем не так. Топор не очень удобен для всадника, но пешие воины им были вооружены. Учёные считают, что славянские воины были знакомы с боевыми топорами самого разного образца. Некоторые из них пришли с запада, другие — с востока, третьи появились на Руси. Боевой топорик с обухом, вытянутым в виде длинного молотка, пришёл к нам с востока, его называют чекан.

Вооружались славяне и алебардой — фигурным топориком на длинном древке. Известен был и

бердыш — топор с лезвием в виде полумесяца.

Выработался на Руси и собственный «национальный» вид боевых топоров. Конструкция таких топоров удивительно рациональна и совершенна. Их лезвие несколько изогнуто книзу, чем достигались не только рубящие, но и режущие свойства. Удар таким топором получался сокрушительным. Не случайно топоры этого вида бывали и рабочими, и боевыми. Ими воины не только сражались, но и прокладывали дорогу в густых лесах.

Другие народы по достоинству оценили это изобретение, такие топоры археологи находят в Скандинавии, Прибалтике, на Балканах.

Боевое значение топора уже давно утрачено, а рабочие топоры необходимы и сегодня. Из каких частей состоит топор? Лезвие, лопасть (её иногда называют «щёки»), обух, проушина, бородка, топорнице, клин.

У плотника топор с широкою, тонкою лопастью и с острым носком. Топор мясника — самый большой, широкий и тяжёлый.

Мастеровой, столярный — одноручный, небольшой. Одноручный — рука на лезвии топора помещается только один раз.

Лесниковый, лесосечный — лопасть вполовину уже, но долгая, с обухом толстойковки на длинном прямом топорнице. Топор дровяной, дровосечный — колун с толстым обухом. Топорик бочарный, токарный небольшой, одноручный. У настоящего мастера топор всегда особенный. В «Плотницких рассказах» В. Белова читаем: «Топор у Сметаны горбоносый, с длинной пятой. Широкие тонкие «щёки» этого топора, их певучая златоустовская сталь дополняется недлинным выгнутым топорницем, до блеска отшлифованным мозолистыми ладонями Ника-

ши. Удобный расширенный конец топорича — на одной линии с носком и пятой лезвия, тогда как у Саши топориче как-то задралось вверх, плоское и неуклюжее. Манера делать топориче своя, особая, и у Ильи Степановича. Старик вытёсывает топориче «с брюшком», для заклинивания использует только деревянные клинья, тогда как Саша и Сметана заклинивают железками, вырезанными из серпа».

Обучение подростка плотницкому ремеслу начинается с изготовления парнишкой топорича. Бывало, не один десяток берёзовых поленьев изведёт, пока не вытешет хорошее топориче. Чтобы развить точность удара, сноровку, ритмичность, плотниками придумана игра «в сечки». Играют несколько подростков, один из них полуречитативом, нараспев, произносит слова и одновременно «сечёт» топором брёвнышко.

Секу, секу сечку,
Высеку овечку,
Брошу сечь —
Пятнадцать есть.

Затем подсчитывают зарубки, побеждает тот, у кого точно 15 зарубок.

Топор применяется при трёх видах работ: раскалывание, обтёсывание и перерубание. Существует три вида ударов: кистевой, локтевой и плечевой.

Не в такую уж далёкую старину мастера строили любые сооружения, используя практически один топор. Желая подчеркнуть грубость и неряшливость чьей-то работы в любой области человеческой деятельности, мы иногда, не задумываясь, говорим: «топорная работа». Но качество изделия, красота и чистота обработки не всегда зависит только от инструментов, а чаще всего — от

искусства владения ими. Иной мастер и рубанком не сможет обстругать доску так гладко, как это могли делать старые мастера топором. Недаром у столяров и плотников бытовала когда-то шутливая поговорка: «Фугуй, Ванька, тятка топором исправит». А ещё говорили: «Плотник топором думает».

Русские люди мастерски владели топором. Лев Толстой в романе «Война и мир» писал: «Тихон не любил ездить верхом и всегда ходил пешком, никогда не отставал от кавалерии. Оружие его составляли мушкетон, который он носил больше для смеха, пика и топор, которым он владел, как волк владеет зубами, одинаково легко выбирая ими блох из шерсти и перекусывая толстые кости. Тихон одинаково верно, со всего размаха, раскалывал брёвна и, взяв топор за обух, выстрагивал им тонкие колышки и вырезывал ложки».

Для Всемирной выставки в Париже в конце XIX в. на диво всему миру срубили русские плотники бревенчатую избу. Красота пропорций, простота и мудрость конструктивных решений — всё это поразило посетителей выставки, образно назвавших рубленую избу «русским Парфеноном». Вся изба из дерева, срублена без единого гвоздя и прочего металлического крепежа. «Хорошая вязка крепче всяких гвоздей», — убеждённо говорили русские плотники. Более пятидесяти приёмов крепления деталей знали наши предки.

Торцы каждого бревна в срубе плотники русского Севера обрубали топором так аккуратно, что и пилой иному мастеру не всегда удаётся получить такой чистый поперечный срез. Плотники нарочно не пользовались пилой, потому что изба с обрубленными торцами была намного

Анна Басаргина

Счастлив, кто к труду привык

прочнее. Ведь перерубленные топором волокна древесины сминались и закрывали доступ влаги внутрь бревна.

Конструкция кровли тоже продумана так, что цельность колотой доски не нарушалась даже при укреплении её на крыше. Гладко вытесаны стены, пол, потолок, подоконники, скамейки и стол. Трудно поверить, что всюду мастер обошёлся без рубанка.

Топором срублено и великое чудо земли русской — знаменитые Кижы. Легенда гласит, что окончив работу, мастер Нестор взглянул на дело рук своих со товарищи и сказал: «Не было, нет и не будет больше красоты такой», поцеловал топор и бросил его в воды Онего.

Топор присутствует в русском фольклоре. Помните солдатскую кашу из топора, топор-самосек Емели и других героев.

В сказке «Чьё мастерство мудрёнее» спорили русский плотник с немецким часовщиком, кто мудрёнее. Немец принёс подкованную блоху, а плотник взял чурбак, попросил завязать глаза, положил левую руку на чурбак, а правой стал промез пальцев рубить и ни разу по пальцу не попал. Признал немец мастерство русского плотника.

Немало пословиц и поговорок сложено о топоре: «Соха кормит, топор одевает, топор обувает», «Топор всему делу голова», «Нашего горя и топоры не секут».

О неладах женщин в семье говорят так: семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь. О ленивых: в лес идут, на троих один топор берут; в семи дворах один топор.

Топором ударили по лавке, на которой кто-нибудь умер: полагали, что тем самым будет «подсечена» и изгнана смерть. Топор крест-накрест перебрасывали через скотину, чтобы

она не болела и хорошо плодилась. Топором чертили над большим Солнечный Крест, призывая богов.

Ячмень на глазу заговаривали: «Сделай себе топорок, пересеки себя поперёк».

Страдающий резкими болями в пояснице ложился на порог, младший сын клал ему на спину веник и легонько рубил топором. Диалог при этом:

- Что рубишь?
- Утин рублю.
- Ну, руби посильнее.

После 25 декабря хозяин вклинивал в порог острый топор, это было неодолимое препятствие для злой нечисти, стремящейся проникнуть в человеческое жильё.

Серп и коса

«Сутул, горбат, всё поле обскакал». Загадка эта о серпе, очень древнем инструменте, известном многим народам мира. Серп — кривой нож с насечкой (зазубринами) для срезки травы или хлеба. Его форма напоминает молодой или убывающий месяц, неслучайно говорят: серп месяца.

Работали серпом обычно женщины, что хорошо отражено в народных песнях:

Жали мы, жали,
Жали, пожинали,
Жнеи молодые...

Жать хлеба серпом было очень нелёгко и не споро.

Ниву сажали,
Страду пострадали,
Гибкими спинами,
Вострыми серпами.

Бытовал обычай: по окончанию жатвы обвязывали серпы последнею соломой и клали их под иконами.

25 декабря хозяйка втыкала серп в притолоку дверей для защиты от нечистой силы.

21 февраля по народному календарю память пророка Захарии-серповидца. Ему с особым почтением и прилежанием молились женщины, вековечные жницы.

В старину было принято в этот день доставать серпы и кропить их крещенской водой с божницы. Это благочестивое поверье было навеяно извечной тревогой за урожай. «Не обережешь вовремя кривого серпа — не нажнёшь в поле и снопа!»

Глядячи на серпы, вспоминали древние старухи, отработавшие свою бабью долю: «Была молода, не только хлеб жевала, а и по сотне снопов в день жинала».

Постепенно удлинялось лезвие серпа, становилась длиннее и ручка. Так родилась коса-горбуша. Такой косой можно было косить с обеих рук, удобно обкашивать кустарник. Но косить приходилось нагнувшись, от чего быстро уставал косарь.

По легенде, Пётр I увидел в Литве косу другого типа, ему она очень понравилась, и он привез её в Россию. До наших дней косу называют литовкой.

Коса — орудие несложное, всего у неё пять частей: нож, косовище (косьё), ручка, кольцо и клин. Ножи кос выпускаются разных размеров (по номерам). В старину мерили нож рукой, сколько раз уместится на лезвии рука, такой её размер: пятиручка, девятиручка и т.д. Нож к косью прикрепляется при помощи кольца и клина. Обходились иногда и без клина, применяя кольцо с прижимным винтом.

Косьё — палка толщиной в 3,5 см и длиной (в зависимости от роста косца) 160–190 см. Ручка делается из тальника или черёмухи. Середину заготовки утончают, распаривают и

стибают по косью дужкой, концы её стягивают бечёвкой. Можно сделать ручку иначе: стержень вставляется в косьё.

Ручку укрепляют на высоте пояса косаря. Лезвие на косьё устанавливают так, чтобы был правильный захват при кошени. Обычно это достигается практикой.

Коса должна быть острой, как бритва, тогда косить значительно легче. Прежде чем начать косить, косу отбивают. Отбивка производится с помощью «бабки» — наковаленки и молотка с узким бойком. Коса кладётся нижней стороной на наковаленку, и по лезвию узкой частью молотка наносятся лёгкие удары. Лезвие оттягивается, становится тоньше и лучше затачивается. Начинают отбивать от «пятки» косы к её «носку». Эта работа требует большого умения, обычно этим занимаются старики.

Затем косу точат, используя брусок или смолянку. Смолянка — это дощечка шириной в два сложенных пальца, конец её вырезан в виде ручки, по обеим сторонам наклеен наждак.

Косьба ведётся круговыми движениями косы с двух размахов. Левый срезает траву, правый — обратный, холостой, по той же дуге. Дуга размаха в пределах полукруга. С каждым рабочим взмахом косарь продвигается в глубь травы, срезая примерно 15–20 см. Ширина прокоса зависит от длины косовища. Срезанная трава произвольно сдвигается в валок.

Косьба — работа нелёгкая; чтобы быстро и чисто косить, нужен большой навык. Детей обычно не заставляли косить, хотя и продавались детские косы. Мальчики сами стремились овладеть искусством обращения с косой. Мужчине стыдно не уметь косить.

Чтобы высокая трава или хлеб при косьбе не рассыпались, косили косой с грабельками (грабки, лучок, крюк). Они состоят из 5 уменьшающихся по длине 40–30–20 см зубьев, самый короткий находился на наибольшем удалении от косы. Делались и более длинные грабельки к косе и снабжались дополнительно от крайнего зуба к косью бечёвками, что позволяло косить аккуратно низкорослый ячмень.

О косе немало пословиц да загадок сложено.

Без косы и сена не накосишь.

На острую косу много сенокосу.

Нашла коса на камень.

С косой в руках погоды не ждёшь.

Травы поем — зубы притуплю;
песку хвачу — опять наострю.

Пришёл тень в Петров день,
сел тень на пень, стал стрекотать,
только пёрышки летят. (Коса).

Щука в море хвостом виляет,
горы ставит (Коса).

Умельцы-музыканты используют косу в качестве музыкального инструмента.

Серпы и косы издавна в Россию везли из Австрии. Торговлей се-

ножатными косами особенно славился Рыльский уезд Курской губернии.

Считается, что первым начал это дело ещё в XVIII в. купец Иван Фёдорович Филимонов. Австрийское правительство за расширение географии сбыта продукции своей промышленности даже возвело Филимонова в дворянское достоинство — к фамилии купца добавилась частица «фон».

Рыльские купцы-оптовики закупали косы штирийской стали с октября по май партиями по 1200 штук. Косы доставлялись в Россию в бочках по 750 или 1000 штук в каждой. В середине XIX в. ежегодный отпуск этого товара из Штирии составлял 1300 бочек или 975 тыс. кос на сумму 430 тыс. рублей серебром. На Москву шло всего 120 бочек с 120 тыс. кос на сумму 48 тыс. рублей. Косы в бочках везли на повозках, до 3-х тысяч повозок отправлялось в разные концы России для торговли.

В наш век коса продолжает верно служить и крестьянину, и дачнику.